

Тяжелая ноша фантазера и оптимиста

К 125-летию со дня рождения Ефима Дмитриевича Боголюбова (14 апреля 1889, село Станиславчик, Киевская губерния, Российская империя — 18 июня 1952 года, Триберг, Федеративная республика Германия). Очерк Владимира Барского.

Великий Эмануил Ласкер писал о нем: «Я вижу на голове

Боголюбова венец чемпиона мира». Меж тем, в Советском Союзе его называли ренегатом и фашистом, а в фашистской Германии притесняли за «неарийское» происхождение. Всю жизнь ему приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой, отстаивая свое право на простое человеческое счастье: заниматься любимым делом, заботиться о своих родных. Несмотря на две попытки — в 1929 и 1934 годах, он так и не стал чемпионом мира. Великому оптимисту, который говорил: «Белыми я выигрываю, потому что играю 1.d4; а черными — потому что я Боголюбов!», не хватило немного удачи...

Ефим Боголюбов родился в семье сельского священника, мечтавшего, чтобы сын пошел по его стопам. Ефим окончил киевскую духовную семинарию, однако становиться священнослужителем не захотел и поступил в политехнический институт. Но и там проучился недолго, всего два курса, поскольку его поглотила страсть к шахматам. Боголюбов научился играть в 15 лет, — сейчас в этом возрасте юные мастера и гроссмейстеры уже делают выбор, становиться ли профессионалами либо переключаться на что-то другое. А Боголюбов как одержимый играл в «Варшавской кофейне», где шахматисты 1-й категории поначалу давали ему пешку и ход. Впрочем,

пора ученичества не затянулась, поскольку Ефим не только много играл, но и упорно работал над шахматами, исписывая толстые тетради бесчисленными дебютными вариантами. Так создавался знаменитый боголюбовский «чемодан вариантов», наводивший ужас на его противников.

Вскоре Ефим Боголюбов становится одним из сильнейших шахматистов Киева, а потом и всей России, получает звание мастера. Переломным в его судьбе стал XIX Конгресс Германского шахматного союза, во время которого началась Первая мировая война. Группа российских шахматистов попала в тюрьму, о пребывании в которой позднее написал Александр Алехин:

«Жизнь в тюрьме была изрядно однообразной, не было ни книг, ни газет, ни, естественно, шахмат. Поэтому мы с Боголюбовым часами играли вслепую. Правда, в нашей борьбе оказался вынужденный перерыв, когда я во время коллективной прогулки (обязательно гуськом) однажды позволил себе улыбнуться и на четыре дня был переведен в одиночную камеру. Несмотря на это наказание, мне сейчас кажется, что атмосфера Раштатского заключения с единственным надзирателем и его дочкой, трижды в день приносившей еду и с удовольствием болтавшей с нами, была милой и почти идиллической. Никакого сравнения с — увы — обстановкой в известном многоэтаж-

ном доме на Екатерининской площади в Одессе». (Алехин имел в виду внутреннюю тюрьму одесской ЧК, куда он попал в 1919 году, и где лишь чудом избежал расстрела).

Про «улыбку Алехина», из-за которой он угодил в карцер, рассказывал и Федор Богатырчук в книге «Мой жизненный путь к Власову и пражскому манифесту»:

«В один прекрасный день мы услышали из вентиляционной отдушины приглушенный голос нашей шахматной красы и гордости Александра Александровича Алехина, поведавшего нам, что он заключен «за ничто» в карцер. Это «ничто» оказалось тем, что, будучи поклонником женской красоты, он обратил свое благосклонное внимание на прелести дочери тюремщика, и та, не оставшись равнодушной к мужской красоте нашего чемпиона, позволила ему некие вольности, не входившие в расписание тюремного режима. За сим приятным времяпрепровождением их застукал тюремщик и засадил нашего Казанову в карцер».

Федор Парфеньевич Богатырчук (1892–1984), чьи воспоминания мы еще будем цитировать, знал Боголюбова с юношеских лет, поскольку сам родом из Киева. Мастер, чемпион СССР, имевший с Ботвинником уникальный счет 3:0, он не был при этом шахматным профессионалом, а занимался врачебной практикой и стал выдающимся ученым, доктором медицины, лауреатом ме-

Ф. ДМИТРИЕВИЧ БОГОЛЮБОВ

дали имени Баркляя — своего рода Нобелевской премии в области радиологии. Во время Великой Отечественной войны Богатырчук поддержал генерала А. Власова, который возглавил т.н. Русскую освободительную армию, воевавшую на стороне Германии. После окончания войны Федор Парфеньевич переехал в Канаду, занимался медициной и играл в шахматы, в том числе за сборную своей новой родины на Олимпиадах. В СССР был подвергнут анафеме, его имя запрещено было упоминать в книгах и журналах. За «возвращение» к нам Ф. Богатырчука надо благодарить литератора и историка шахмат Сергея Воронкова, проделавшего колоссальную работу по сбору архивных материалов. В 2013 году он выпустил двухтомник, посвященный жизни и творчеству Ф. Богатырчука (издатель — известный московский библиофил и любитель шахмат Андрей Ельков). Предисловие написал 10-й чемпион мира Борис Спасский, лично знавший этого неординарного человека. Книга стала настоящим событием и вызвала большой интерес у русскоязычных любителей шахмат. Исползованные в очерке фрагменты воспоминаний Ф. Богатырчука публикуются в том виде, в каком они вошли в двухтомник С. Воронкова. Но вернемся к главному герою нашего повествования. Из тюр-

мы в Раштате российских шахматистов вскоре перевезли в курортное местечко Триберг (такая вот «суровая» ссылка: не Сибирь, не Крайний Север!), где разрешили проживать за свой счет в пансионатах или на частных квартирах. Понятно, что у «пленных» была масса свободного времени, которое они проводили за игрой в шахматы. Своеобразные «сборы» длиною в четыре года! Время от времени по инициативе местного шахматного клуба проводились соревнования, которые вошли в историю как «турниры военнопленных» (всего их состоялось восемь). Боголюбов победил в пяти, еще в двух занял второе место. В конце 1918 года наступила долгожданная свобода, но Ефим Дмитриевич так и не вернулся на родину, поскольку влюбился в дочь местного учителя Фриду Кальтенбах; через два года молодые люди поженились, у них родились дочери Соня и Тамара. Кстати, почему свадьба оказалась отложена? После войны экономика Германии, как и России, была подорвана, царил жуткая инфляция. Поэтому Боголюбов отправился на заработки в Швецию, которая во время войны сохраняла нейтралитет и благодаря этому располагала твердой валютой. А еще там жили щедрые меценаты братья Кольин, дававшие деньги на шахматные турниры и матчи. Боголюбов в упорной борьбе уступил Рубинштейну +4 -5 =3, выиграл у Барделебена +3, =3, а несколько позднее (в 1920—1921 годах) победил Нимцовича (счет результативных партий +2, -1) и сыграл вничью 2:2 с Алехиным. Благодаря «шведскому турне» Ефим Дмитриевич накопил денег на виллу в Триберге, и его хозяйственная жена стала сдавать курортникам комнаты в первом этаже. Благополучие молодой семьи, таким образом, уже не зависело полностью от нестабильных заработков шахматного профессионала.

Гроссмейстер и блестящий литератор Савелий Тартаковер в одной из своих лучших книг «Ультрасовременная шахматная партия» писал:

«Ефим Дмитриевич Боголюбов был первым после войны, чье имя приобрело такую популярность, что его стали считать носителем нового шахматного откровения. Далеко в Советской России находился в то время Алехин; Рети развивал свою деятельность в голландских шахматных кругах; Боголюбов же с тончайшим позиционным пониманием рокировался в сторону Швеции и тем самым превратил «закрытую» партию своего германского плена в открытую игру!.. Боголюбов не «научился» своему искусству, но «прочувствовал» его. Конечно, решающими для его судьбы были годы военного пленения в Триберге, где он имел достаточно времени совершенствоваться со своими друзьями и товарищами по несчастью: Селезневым, С. Вайнштейном, И. Рабиновичем и другими.

И он, действительно, вырос за эти годы, усвоив себе совершенно своеобразную, производящую художественное впечатление тактику. Он стремился вывесь на пламенеющих крыльях комбинации, и игра его — это игра привязанного к земле мятежного шахматного ангела. Некоторые временные успехи в его карьере тем более понятны, что эта открытая, располагающая к себе душа, этот всегда любезный и отзывчивый человек должен заботиться о жене, о ребенке, о родных и знакомых, которыми полна его вила в Триберге... Главное свойство его характера — оптимизм. Главный признак его игры — фантазия. Но и в области шахматной теории Боголюбов очень плодотворен; в особенности надо отметить названный по его имени «новоиндийский» вариант дебюта ферзевых пешек...

Капабланка «кует», Алехин «борется», Ласкер «мыслит», Боголюбов же фантазирует. И иногда

тоже достигает наивысших результатов».

Тем временем в советской России миновали страшные годы разрухи, и наступило определенное послабление — нэп. В 1924 году Боголюбов рискнул приехать на родину. Он провел несколько гастрольных поездок, в том числе в родной Киев, а также принял участие в третьем чемпионате СССР, который выиграл в блестящем стиле — 15 очков из 17-ти, на 2,5 очка опередив Петра Романовского. Вспоминает Федор Богатырчук:

«До 1924 года я о Боголюбове почти ничего не слышал; это было время военного коммунизма, и все мысли были о хлебе и о картошке, а не о шахматах.

Редкие вести из-за границы сообщали нам о шахматных достижениях Боголюбова.

После провозглашения Лениным новой экономической политики (нэп) жить стало немного легче, и мы начали снова играть в шахматы. В 1924 году Боголюбов и Селезнев приняли приглашение принять участие во Всероссийском чемпионате.

Мы ожидали увидеть пообтрепанного шахматного профессионала, но были удивлены встретить вместо этого современного европейца, одетого как лондонский денди и время от времени закуривающего очень дорогую сигару. Такая метаморфоза с нашим другом казалась настоящим чудом! А как великолепно он играл в шахматы! Он взял первый приз с потрясающей легкостью, не проиграв ни одной партии».

В 1925 году Боголюбов еще раз выиграл чемпионат СССР. В Советском Союзе шахматы впервые в истории получили государственную поддержку, и Боголюбов, принимая советское подданство, наверняка рассчитывал на всестороннюю помощь, в первую очередь материальную, поскольку мечтал вызвать чемпиона мира на матч за корону, а для этого требовалось обеспе-

чить призовой фонд 10 тысяч долларов — огромная по тем временам сумма! Ефим Дмитриевич лично уговаривал ведущих гроссмейстеров Запада приехать в СССР на московский международный турнир 1925 года. Победа в этом соревновании, собравшем исключительный состав (лишь Алехин и Нимцович не получили приглашений по политическим причинам), впереди Ласкера и Капабланки, стала одной из вершин в карьере Ефима Боголюбова.

В КОНЦЕ КОНЦОВ, ЕФИМ ДМИТРИЕВИЧ БОГОЛЮБОВ БЫЛ ПРИГОВОРЕН К ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОРИЦАНИЮ

Однако он быстро убедился, что у почетного звания «гражданин СССР» есть и немало минусов. Так, шахматисты не имели права участвовать в международных соревнованиях без одобрения Всесоюзной шахматной секции. А житель города Триберга «забыл» об этой обязанности и отправился на турнир в Баден-Бадене, благо это курортное местечко находилось в нескольких километрах от его дома. Москва не простила такую вольность и приняла грозное постановление:

«...В отношении гр. Боголюбова, который согласился участвовать в Баденском турнире, не обратившись первоначально по этому поводу в Секцию, Шахматная секция считает нужным заявить, что не считает его на этом турнире своим представителем и, объясняя такое поведение со стороны Боголюбова лишь возможной его неосведомленностью о принципиальных воззрениях Шахсекции на участие в буржуазных турнирах — поскольку никаких иных нелояльных проступков со стороны Боголюбова не было, — лишь предвещает его на этот раз о том, что и считает и для него, если он хочет быть членом нашей организации, обязательными те же условия, что и для

остальных. В соответствии с этим Боголюбову предстоит определить своим дальнейшим поведением свои отношения к Секции и доставшемуся ему званию чемпиона СССР».

В конце концов, Ефим Дмитриевич Боголюбов в соответствии со статьей 172 Уголовного кодекса (!) РСФСР был приговорен к общепublicному порицанию.

Известный советский мастер и журналист Василий Панов (самые известные его «детища» — атака Панова и «Курс дебютов»),

в отличие от Ф. Богатырчука, не испытывал к Боголюбову ни малейшей симпатии. В своей автобиографической книге «Сорок лет за шахматной дос-

кой» он описал один эпизод, связанный с пребыванием Боголюбова в Москве в 1925 году:

«Это был тучный, невысокого роста, благодушный человек, напоминавший разъявшегося, сытого, довольного жизнью хомяка. Както, к концу московского международного турнира, в первом часу ночи я возвращался домой и вдруг на Страстной площади, у стоянки появившихся тогда частных автомобилей, увидел Боголюбова. Хохоча во все горло, пьяный, красноротый, с распахнутым меховым воротником, он подсаживал в машину двух сомнительных девиц, которые хихикали, жеманились и отбивались, но все же влезли в машину вместе с торжествующим хомяком, и она умчалась по направлению к гостинице. Я шел и думал, насколько бытовое поведение Боголюбова противоречит нашей советской коммунистической этике и недостойно чемпиона СССР».

Раз уж мы вспомнили В. Панова, процитируем фрагмент из его рецензии на книгу Пауля Кереса «Открытые дебюты», выпущенную в Эстонии в 1949 году. Этот документ от 10.05.1950, найденный в главном архиве КГБ в Москве, впервые опубликовал гроссмейстер Генна Сосонко в

своем эссе «Что такое сиеста, или Борьба за приоритет иностранных шахматистов» на сайте chess-news.ru.

«Справедливый гнев и изумление советских шахматистов вызывает систематическое, ничем не оправданное, назойливо лезущее в глаза, многократное упоминание фашистского выкорымыша Боголюбова, ныне подвизающегося в американской зоне оккупации Германии. Всем известно, что теоретические погути Боголюбова никогда не представляли ничего ценного, и его авторитет как шахматиста, не говоря уже о гнусной политической физиономии, давным-давно равен нулю, если вообще можно ставить вопрос об авторитете фашистского проходимца».

Очевидно, в 1926 году Боголюбов еще надеялся подружиться с советской властью. Ему запретили играть на турнире в австрийском Земмеринге — он стерпел. Более того, по заказу нескольких ленинградских издательств он работает сразу над тремя книгами: «Избранные партии 1919 — 1925 гг.», «Международный шахматный турнир в Москве 1925 г.» в 2-х частях и «Избранные партии М.И. Чигорина». Работа огромная, напряженная, а гонорары более чем скромные, и «дружба» с властями тоже никак не складывается.

Наконец, когда ему как гражданину СССР отказали в итальянской визе и он не смог отправиться на крупный турнир в Мерано, Боголюбов не выдержал. Жена Фрида категорически отказалась переезжать в СССР, а жить на Западе с советским паспортом становилось затруднительно. 5 декабря 1926 года Боголюбов отправляет письмо председателю Шахсекции тов. Н.В. Крыленко:

«Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

Как советский подданный, я не получил визы на въезд в Италию

(та же участь, вероятно, постигла и Верлинского). Между тем, это был мой последний шанс вернуть утерянное материальное равновесие. Само собой понятно, что прибегать к помощи Шахсекции я не собирался и не мог бы таковой принять, т.к. СССР — страна бедная.

Так или иначе, я, благодаря моему подданству, был в этом году лишен возможности достаточно заработать на содержание моей семьи, несмотря на экономность моей жены. Заработок, который

«Гражданин Боголюбов, пойдя по стопам Алехина, сам поставил себя вне рядов шахматной организации СССР»

в этом году для меня окончательно утерян, равняется девяти тысячам рублей. Берлинский турнир дал мне очень мало, а работа над сборником международного турнира в Москве, за которую мне пришлось взяться исключительно из-за принципиальных соображений, принесла мне, конечно, только убыток. Мои дела окончательно пошатнулись. Надежда только, что Нью-Йоркский комитет будет вынужден принять мои условия. Пока что, однако, я не имею возможности выполнить мои долговые обязательства. Я не могу долее скрывать от моей жены, что настал момент выполнить данное ей мною слово начать заботиться только о моей семье, устранив все встречающиеся к этому препятствия. Посему я сообщаю Вам, что одновременно с получением этого письма в Москве мною будет подано в Советское Представительство (Берлин) заявление о необходимости моего выхода из советского гражданства. Каким образом это заявление будет истолковано различными советскими инстанциями — безразлично; никакие оскорбительные толкования не заставят меня реагировать. Мой выход из советского гражданства будет являть-

ся только попыткой упрочить материальное положение моей семьи.

С совершенным почтением Ваш преданный Е. Боголюбов.
Желаю дальнейшего процветания шахмат в СССР».

Из текста письма видно, что Боголюбов не хочет сжигать мосты, надеется сохранить с СССР хотя бы нейтральные отношения. Но не таков характер у новой власти (а Николай Крыленко — самый что ни на есть представитель власти: генеральный прокурор, обвинитель на многочисленных процессах против «врагов народа»; сам был репрессирован в 1938 году): кто не с нами — тот против нас!

Уже 14 декабря 1926 г. Исполнительное бюро Всесоюзной шахматной секции публикует свое решение:

«...После такого заявления о возвращении Боголюбова в СССР и участия его впредь в советской шахматной жизни не может быть и речи... Гражданин Боголюбов, пойдя по стопам Алехина и явившись не первым, а может быть, и не последним ренегатом в этой области, сам поставил себя вне рядов шахматной организации СССР».

Вот что написал Н. Крыленко в предисловии ко второй части книги Е. Боголюбова, посвященной первому московскому международному шахматному турниру:

«...Первая часть разошлась гораздо быстрее, чем мы этого ожидали, и отзывы, полученные с мест, категорически указывают на тот огромный культурный вклад, который она представляет собой. Не меньший вклад должна представить собой и эта, вторая часть сборника, охватывающая вторую половину турнира. Издательство, однако, не считает возможным, выпуская в свет вторую часть этого труда, не высказать своей точки зрения на него, поскольку между моментами выпуска первой и второй части произошли всем известные события

в нашей шахматной жизни, повлекшие за собой исключение из рядов шахматных организаций главного автора настоящей работы, бывшего чемпиона СССР Е. Д. Боголюбова.

Какова бы ни была оценка — моральная, политическая или иная — поступка гр-на Боголюбова, Шахсекция и издательство не считают, что этот поступок может помешать ей использовать исключительные шахматные дарования гр-на Боголюбова для широких шахматных масс СССР. С гр-ном Боголюбовым мы не имеем ничего общего, у нас нет с ним больше общего языка, мы не пригласим его больше на наши собрания, — и мы не жалеем об этом. Но как политическое прошлое и политическое настоящее гр-на Алехина не мешает нам использовать его партии, его комментарии и другие проявления его шахматного таланта для шахматистов СССР, так нет никакого основания отказываться и от использования дарований гр-на Боголюбова в тех же целях...»

Через год Боголюбов получил германское подданство. Кстати, сыграть в знаменитом нью-йоркском турнире 1927 года ему не довелось: его финансовые требования оргкомитет не принял, а когда он предложил вместо «посредственного», по его выражению, турнира провести матч Капабланка — Боголюбов, с ним прервали переговоры.

Тем не менее, Боголюбов сыграл целых два матча за корону, но уже с новым чемпионом — Александром Алехиным. Полный призовой фонд — 10 тысяч долларов — собрать не удалось, и в условиях было оговорено, что претендент обеспечивает гонорар 6 тысяч чемпиону мира, а ему достанется то, что удастся раздобыть сверх этой суммы. Понятно, что ни о каких секундантах и речи не шло. Тем не менее, борьба в поединке 1929 года развернулась необычайно упорная; как свидетельствует гроссмейстер Адриан Михальчишин,

юный Гарри Каспаров советовал ему: «Посмотри первый матч Алехина и Боголюбова. Это совершенно роскошный матч! Один из лучших среди матчей на первенство мира».

Каким было отношение к Боголюбову в 30-е годы в Советском Союзе, становится ясно из статьи Якова Рохлина, опубликованной в 1939 году в журнале «Шахматы в СССР». Яков Рохлин — талантливый организатор и пропагандист шахмат, человек, «приписавший» Ленину фразу «Шахматы — гимнастика ума», благодаря чему шахматы получили поддержку на всех этажах власти. Рохлин прокомментировал для журнала партию Боголюбов — Ботвинник (Ноттингем 1936). Вначале автор вдохновенно расхваливает Ботвинника, а потом берется за его противника: «Эта встреча имеет не только шахматное, но и политическое значение. Бывший чемпион СССР 1924 и 1925 гг., затем ренегат и пресмыкающийся жалкий «расист» встречается через 11 лет на большом международном турнире с молодым шахматистом социалистической страны. Многочисленные корреспонденты фашистских и профашистских газет предвкушают победу Боголюбова, играющего белыми, и уже готовят хвалебные лирические статьи во славу «рыцарей» капиталистического мира.

Но этим надеждам не суждено было осуществиться. Гроссмейстер-комсомолец преподал фашисту, «германцу» Боголюбову, показательный урок шахматной стратегии. Точно и смело разыграв партию, он добился преимущества в дебюте и прямой атакой на королевском фланге завершил блестящую победу советского шахматного оружия».

«Ренегат» — это слегка завуалированное слово «предатель» с наукообразным оттенком, а «расистом» Боголюбова, очевидно, обозвали потому, что в 1938 году он вступил в нацистскую партию. Сам гроссмейстер позднее объяснял свое решение тем, что его

как «не арийца» начали притеснять (не приглашали в турниры, а его подросшие дочери Соня и Тамара не могли поступить в университет), и ему пришлось продемонстрировать лояльность властям. Не исключено также, что у Боголюбова могли быть поначалу какие-то иллюзии относительно новой власти, обещающей избавить мир от коммунистической угрозы.

В очерке «Эсиг Флейш» Г. Сосонко приводит рассказ Сало Флора: «Вы знаете, когда я последний раз видел Боголюбова? Могу сказать точно: 18 марта 1939 года на турнире в Риге. Я помню этот день, потому что 15 марта немцы вошли в Прагу, и Боголюбов весь сиял, говорил, что наконец-то будет порядок в Европе; он ведь обожал тогда фюрера. Мы играли через три дня, и можете представить, как я хотел выиграть. В конце партии он сидел красный, как рак. Когда он сдался, у меня была единственная мысль: это тебе за Прагу...»

Прозрение пришло к Боголюбову довольно быстро, — он понял, что один тиран мало чем отличается от другого. Федор Богатырчук, снова встретившийся со своим другом юности во время войны, свидетельствовал, что Боголюбов очень тяготился обязанностью носить значок члена нацистской партии:

«Случай помог ему избавиться от этой неприятной обязанности. Однажды, когда Боголюбов давал сеанс одновременной игры в госпитале, какой-то раненый солдат изловчился и сорвал опостылевшую свастику с груди Е. Д. С тех пор Боголюбов перестал носить значок, чтобы не давать повода к повторению подобных инцидентов. Могу подтвердить, что Боголюбов только формально был членом партии. В чемодане, где он возил комплекты шахмат для проведения сеансов, у него хранился и радиоприемник, по которому он слушал милые его сердцу английские сводки о военных неудачах нацистов...

(В Радоме) мы с Боголюбовым

жили в одной комнате гостиницы и по ночам иногда занимались тем, что вытаскивали из шахматного чемодана Е. Д. заветный радиоприемник и принимались слушать иностранные радиопередачи (слушали, конечно, в наушниках, ибо не хотели попасть в гестапо). Прослушав некоторые из них, Боголюбов принимался в ярости бегать по комнате и отпускал по адресу своей партии и любимого вождя такие комментарии, каким не место в печати. Он не прошел советской школы — всегда, при всех обстоятельствах держать язык за зубами... Ни для кого не было секретом, что Е. Д. не любил большевиков, но мало кому было известно, что он с не меньшим отвращением относился к бредовым идеям Гитлера».

Ф. Богатырчук: «Хотя комиссия по денацификации не нашла в его поведении ничего плохого, Международная шахматная федерация, находившаяся всецело под влиянием ультимативных требований советской стороны, не только запретила ему участвовать в международных турнирах вне Германии, но и не пригласила на матч-турнир за звание чемпиона мира, вакантное после смерти Алехина.

Ефиму Дмитриевичу явно не повезло в жизни. Он был в полном смысле слова шахматным профессионалом и ничем другим, кроме шахмат, не интересовался. Гитлера он не любил из-за преследований им евреев, среди которых у него было много друзей по шахматам... Не переносил Е. Д. и ограничения свободы передвижения, которые принес с собой нацистский режим. Преследование Боголюбова навсегда ляжет темным пятном на советских ком-шахматистов, у которых совести нет, и на ФИДЕ, у которой совесть была заглушена шантажом «советчиков».

В 1950 году ФИДЕ опубликовала первый официальный список гроссмейстеров, и Боголюбова там не оказалось. Но вычеркнуть из истории человека, сыгравшего

два матча на первенство мира, не удалось, и под давлением общественного мнения в 1951 году это звание Е. Д. Боголюбову всё же «присвоили».

В Советском Союзе о Боголюбове писали подчеркнуто сухо и по минимуму. Вот что, например, сообщал о нем «Шахматный словарь», изданный в 1964 году:

«Крупных успехов добился Б. в 1925, взяв 4 м. в Баден-Бадене и выйдя победителем международных турниров в Бреславле, а затем в Москве, где он опередил Эм. Ласкера и Капабланку. Это было высшее достижение Б. На результатах Б., несомненно, сказались благоприятная обстановка для ш. творчества в СССР, куда он вернулся в 1924 после десятилетнего отсутствия. В III и IV первенствах СССР (1924-25) Б. взял 1 м. В 1926 Б. изменил Родине. Постановлением сов. ш. организации он был исключен из ее рядов, как ренегат, и лишен звания чемпиона СССР.

...Низко пал Б. после утверждения в Германии гитлеровской диктатуры: активно участвовал во всех мероприятиях ш. организации нацистского «райха» и представляя его, довольно бесславно, на международной арене».

Вообще говоря, логики в этих скудных строках немного. Если возвращение в СССР после долгого перерыва так благоприятно сказалось на его творчестве, то зачем же он решил изменить родине? Кроме того, в баден-баденском турнире, как мы знаем, Ефим Дмитриевич участвовал вопреки воле властей. В «Шахматном словаре» вообще не упоминается «защита Боголюбова» — видимо, это был «псевдобюджет». Избранные партии выдающегося гроссмейстера не были изданы в СССР ни в знаменитой «черной» серии, ни даже в «малой черной», тоненькой брошюровкой — не заслужил. Хорошо хоть, в книге Б. Турова «Жемчужины шахматного творчества» строгие цензоры разрешили посвятить ему главку в разделе «Претенденты»; а вот претендента Корчного, к тому

моменту также сыгравшего два матча за корону, туда «не пустили». Борис Туров аккуратно обходит скользкие политические моменты, бросив Боголюбову упрек лишь в отсутствии чемпионского характера. Ну, так можно сказать про любого, не добравшегося до самой вершины!

Из энциклопедического словаря «Шахматы», изданного в 1990 г. в разгар перестройки, абзацы с обвинениями были убраны, появился портрет Боголюбова и лестная фраза о нем Тартаковера. Кроме того, вспомнили и про его заслуги в области теории дебютов: «Разработал систему в ферзевом гамбите, носящую его имя, а также ряд вариантов в королевском гамбите, французской защите». Рядом появились 12,5 строчек про Богатырчука, в том числе две такие: «В период 2-й мировой войны 1939—1945 сотрудничал с фашистскими оккупантами на Украине». Время полной реабилитации Богатырчука в глазах советских людей тогда еще не настало...

Как и современные шахматные профессионалы, Боголюбов пробовал себя в самых разных ипостасях. Играл, занимался литературным трудом, тренировал. Например, готовил сборные Германии к предвоенным Олимпиадам. Сам выступал за команду всего один раз — в 1931-м в Праге, и сыграл довольно успешно: набрал на первой доске 12,5 очков из 17-ти, заняв второе место после Алехина. Тренировал необычайно одаренного Клауса Юнге, погибшего на фронте, а также будущих гроссмейстеров Вольфганга Унцикера и Клауса Даргу, после войны был тренером юношеской сборной ФРГ.

Боголюбов ушел из жизни в 62 года. До последних дней он вел тяжелую жизнь шахматного профессионала, ездил с лекциями и сеансами по городам Германии, и у него не выдержало сердце. Ефим Дмитриевич Боголюбов скончался во сне. ■